

18.07-63

Всегда современник

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

НИ ОДИН драматург, ни один театралный автор не оставил в моей памяти такого яркого, незабываемого впечатления, как Владимир Владимирович Маяковский.

И когда я попытался разобраться в собственных ощущениях, понять, почему это так, ответ сложился сам собой: нет, пожалуй, другого автора, который относился к театру с таким уважением, с такой серьезностью.

Для Маяковского театр, в котором готовилась его пьеса, становился родным домом. Он здесь буквально дневал и ночевал. Его горячо волновали не только детали актерского исполнения, но он находил время посидеть в костюмерной, выждал во все подробности создания театральных костюмов. Вспоминаю, что, когда я готовил роль Присыпкина, Маяковский сказал художникам спектакля Кукрыниксам, что, по его мнению, костюм мне делать не нужно. — Пойдите вместе с ним в московской и примерьте первую попавшуюся стандартную пару. Получится настоящий шарж!..

Но Маяковский на этот раз ошибся. Я надевал десятки костюмов, но получался то бухгалтер, то дантист, то просто скучный молодой человек, но только не Присыпкин.

— Вот видите, — говорил я художникам, — костюм от московской — это поэтический образ, который и вам, и мне дал Маяковский. И первый попавшийся стандартный костюм с полок московской не оказался вовсе характерным для этого художественного образа. Когда мы рассказали об этом Мейерхольду и Маяковскому, то Мейерхольд поверил, а Маяковский нет. Сам пошел бродить с нами по складам московской и только тогда убедился, что его образ никак не мог найти своего воплощения в стандартных, бесформенных костюмах того времени. Лишнее доказатель-

ство того, что самая добросовестная иллюстративность, самая скрупулезная подделка под натуру никак не заменяет и не может заменить подлинно художественного образа.

Маяковский, как ни один другой драматург, поражал творческое воображение художников сцены удивительной масштабностью и монументальностью своего поэтического мышления. Он умел в неприметной за виду мелочи увидеть проблему. А самое главное — он обладал способностью, свойственной только великим поэтам: глядеть далеко вперед. И никогда любое неприятное и даже мерзкое уродство быта не могло заслонить в его глазах перспективы величественного здания нового мира, которое начало строиться в годы расцвета его поэтического таланта.

Недаром говорят, что неискренность в искусстве сразу вылезает наружу. В Маяковском пленяет его пламенная стопроцентная убежденность в каждой рифме, в каждом образе. Маяковский никогда не произносил ни одной фразы, не писал ни одной строчки для красного словца. Ему органически было чуждо красноречие. Он страстно любил то, что воспевал, и непримимо ненавидел все, с чем боролся: мещанство, оппортунизм, ханжество, бюрократизм, моральные человеческие уродства, пережитки прошлого в нашем сознании.

Для нас огромным наслаждением была каждая встреча с Маяковским, каждый разговор с ним. А позже, когда мы так трагически рано лишились этого замечательного художника слова, эти дорогие встречи заменило общение с его монументальными поэтическими образами, с его разящей наповал, гневной и обжигающей сатирой.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что почти все сатирические произведения Маяковского и сегодня

«работают на современность» рядом с его вдохновенными положительными образами.

Так старая «Баня» оказалась юной в наши дни. Маяковский смотрел в будущее. И недаром «Баня» кончается знаменательной фразой Победоносикова: «И она, и вы, и автор — что вы этим хотели сказать, — что я и вроде не нужен для коммунизма?!?»

Маяковский-человек, которого мы помним и любим, удивительно точно сливается в нашем сознании с Маяковским-поэтом в единый, на редкость четкий образ. Ведь Маяковский — это необычайно чистый сплав Человека, Поэта и Гражданина.

Влияние его на мою работу никак не ограничивается теми тремя ролями, которые я сыграл, и десятком замечательных стихов, которые я читал с эстрады.

Обидно мало общаться с Маяковским в личной жизни, я все время ощущал его присутствие. Присутствие требовательного художника, голос которого я неизменно слышал, внимание которого неизменно ощущал. Это «чувство Маяковского» я испытывал и в «Лесе», и в «Великодушном рогоносце», и в работе в кино. Я отлично знал, что ему нравятся и что он не одобряет, хотя не говорил и не мог уже говорить с ним.

Это было ощущение художественной совести Маяковского — самый точный, совершенный эталон моего поведения на сцене. Как приятно мне было узнать, что не я один, а целый ряд актеров, художников, поэтов точно так же, как и я, сохранили это волнующее и совершенно реальное ощущение Маяковского — этого чуткого компаса, безошибочно указывающего путь, единственно приемлемый для настоящего честного художника.

Такая неизменная оглядка на Маяковского помогает нам работать и сегодня, совершенствоваться, очищаться от всяческой пошлости и неправды в своей творческой жизни.

ИНТЕРВЬЮ С ИГОРЕМ ИЛЬИНСКИМ
Г. МОСКВА

18 июля 1963